

НАРОДЫ, жившие в давние времена на просторах Северного Кавказа и побережье Черного моря, были известны под именем «черкесов». Еще кабардинцев называли «адых». Это был народ благородный, с хорошими умственными способностями, как о том говорят летописцы, очень деятельный, строгого воспитания, переносивший и сильный зной, и холод горных долин без ропота, не боявшийся лишений, храбрый в битвах.

С ним соседствовали хозары и дружили жившие поблизости славянские племена Тмутараканской Руси. Во мраке веков произошло много нашествий и нападений многочисленных врагов и на вольную Кабарду, и на Тмутараканскую Русь. Последними во времени были монголы. Тмутараканская Русь бесследно исчезла. Мендоусобная смута дала возможность монголам разорить и подчинить Кабарду.

Но, когда на севере образовалось и окрепло Московское государство, сбросившее монгольское иго, а Кабарда продолжала подвергаться нападением разбойничьих крымско-турецких орд, лучшие представители кабардинского государства во главе с народным героем князем Темрюком Идаровичем рассудили, что защита кабардинцев от окончательного исчезновения заключается только в помощи Русского государства, во вхождении в его состав.

Князь Темрюк Идарович был выдающимся государственным деятелем своего времени и образцовым представителем кабардинского национального характера. Как характеризует его кабардинский историк, он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки, спал под открытым небом на войлоке, а под ложку клал седло. Он питался конским мясом и сам жарил его на углях. Каков был предводителем, таково было и войско. Народные поэты сохранили еще одну черту князя Темрюка — он никогда не нападал на врагов коварно, пользовался неожиданностью нападения, а предупреждал их, как славянский Святослав: «Иду на вы!» Сын и дочь князя Темрюка воспитывались в России, и Иоанн Грозный женился на дочери Темрюка — Марии.

Со времени добровольного присоединения Кабарды к России развитие экономических и культурных связей между ними способствовало и общему поднятию жизни других народов Кавказа, а участие кабардинцев и русских в совместной борьбе против турецких и крымских феодалов укрепило взаимную дружбу через долгое боевое братство.

Постепенно замаячила угроза бесчисленных военных столкновений и постепенно пришла времена, когда кабардинцы превратились из воинственных наездников и неутомимых вояков в мирных земледельцев и получили возможность развивать свое сельское хозяйство, а затем овладеть новыми занятиями, новыми ремеслами.

Но история — строгий летописец, и она отменяла новую борьбу кабардинского народа, тяжкую, долгую борьбу его с тиранией царских чиновников и жестокой властью местных феодалов, захвативших в свои руки больше половины всего скота, две трети пахотных земель, почти все сенокосные и лесные угодья.

С годами население Кабарды разорилось доныка. Кабарда, занимавшая хорошие земли на плоскогорьи и горные луга — отличное место для скотоводства, стала истинной страной гордых и крепких духом вольных людей, которые не раз вставали против своих угнетателей.

Наступили грозные годы, когда в огне и дыму пожаров на землях Северного Кавказа свершалась Октябрьская революция. Все народы Северного Кавказа принесли свои жертвы, и кабардинский народ победил вместе со своими братьями по борьбе.

Теперь в песнях и рассказах живут славные дни великой борьбы, живут имена Кирова и Серго Орджоникидзе, руководивших силами революции на Кавказе, имена кабардинских выдающихся деятелей, во главе которых стоит Бетал Калмыков, любимый сын кабардинского народа.

Сегодня совсем другая перед нами Кабарда, в ней нет ничего от той старой, захваченной темной Октябрьской страной. Все угнетенные люди тешно надеются на лучшее будущее и живут трудной, свободной жизнью. Последний раз испытала Кабарда разрушения и понесла жертвы, когда гитлеровские орды ворвались на ее землю и начали разрушать все, что было создано за годы после Октября. Но недолго длилось это хозяйничанье новых варваров на культурных землях Советской Кабарды.

Опять в общих битвах кабардинские и русские воины вместе со всеми сынами нашей многонациональной Родины нанесли поражение врагу и выкинули его из пределов родной земли. Началась новая эпопея в сельском хозяйстве и в промышленности, в культурном развитии Кабарды...

В 1922 году, по решению ВЦИК, Кабарда, вместе с Балкарской получила права автономной области. В 1936 году на карте нашей страны появилась Кабардино-Балкарская Автономная Советская Социалистическая Республика. Теперь у нее есть своя промышленность, большое механизированное сельское хозяйство, большие перспективы дальнейшего развития.

От старого в ней остались величайшие вершины Кавказского хребта изумительные пейзажи и красота кабардинских мужчин и женщин.

Награждение писателя Шанаева У. У. орденом «Знак Почета»

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области советской общественной литературы, в связи с семидесятилетием со дня рождения писателя Шанаева Ури Умаровича награжден орденом «Знак Почета».

У подножия Ошхамахо

Перед моим окном замерли, словно оцепенев, серые тени таяншанские ели. О них, об этих крашевах, рассказывали в детстве, а теперь...

Е. ЛОПАТИНА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Они же вводят в свои планы руководителей альпинистских лагерей, расположенных в республике: в этом году состоится большая юбилейная альпинида, массовые восхождения на Эльбрус.

Много прекрасных поэтических образов создала кабардинцы и балкарцы, воспевая Эльбрус. В некоторых легендах он рисуется могучим старцем, стегущим звезды, и ветер поднебесья овеивает его снежно-ветерную голову. В других преданиях он называется «горой счастья» — Ошхамахо. Изначально стремление к высоте, к совершенству жило в этом маленьком, но гордом народе. Здесь даже говорят: «Литт тот заслуживает счастья в этой жизни, кто не страшится снеговых высот...» Эти слова я услышала на одной из альпинистских фабрик, где так же как и по всей республике, перед юбилеем подытоживают работу многих лет.

Все, что только можно учесть и выразить в абсолютных цифрах или процентах,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 74 (3730)

Четверг, 20 июня 1957 г.

Цена 40 коп.

НАШ ОБЩИЙ ПРАЗДНИК

Николай ТИХОНОВ

плоскости, где старинные селения стали передовыми колхозами, увидят могучие разработки молибдена и вольфрама, новый город, возникший в некогда пустынной ущелье Тырныауз, увидят второй по величине в республике город Прохладный, Доншункино, поселок Майский.

Они могут проехать в глубины горных ущелий, чтобы вдохнуть свежий ветер с гор, походить по берегам синеглазых альпийских озер, осмотреть место будущей большой плотины на реке Черек, выше Голубого озера, чудно природу — скважину в Долинском, выбрасывающую в сутки миллион литров воды с температурой до 87 градусов.

Они могут подняться на высокогорные луга, где неповторимы пейзажи, где ущелье Малки, образая каньон, поражает разнообразием видов, где на лугах старой Золки когда-то происходили народные восстания, а сейчас глубокая тишина высокогорья, прохладный, ароматный воздух доносит снежное дыхание Эльбруса и других великанов древних гор.

Гости могут пойти в глубины лесов или в глубины полей массивов на плоскогорьи, но всюду, куда они ни направятся, они встретят новых кабардинцев, людей, которые трудились всюду, применяя самые передовые методы современной техники.

Исчезли одинокие пахари, маленькие овцеводы. Исчезли жалкие плетни, печальные аулы, узкие тропы, безграмотные дети, темные знахари.

Мощные заводы стоят там, где жался когда-то кустарные мастерские или кирпичные заводчики, светлые, чистые дома выросли на месте убогих жилищ, комбайны ходят в полях, где в старину эти машины показались бы скажочными чудовищами из нарских сказаний, по длинным дорогам, уводящим в степь, и в горы, бегут автомобили с грузами всех родов, через железные мосты пролетают над утеснистыми горными реками.

Слопшь грамотное население выделило из своих рядов широкие кадры интеллигенции. Больницы имеют фельдшеров и врачей кабардинцев, кабардинцы-механики заводят турбинами сельских гидростанций агрономы стоят на страже урожаев, зоотехники следят за ростом овец, отар, за молочными стадами, учителя воспитывают молодые поколения.

Кабардинцы стали шоферами, сменив неравностных скакунцов на сильные машины, далеко обгоняющие сильнейших жеребцов горных пастбищ, комбайнерами, инженерами, председателями сельсоветов, журналистами, артистами.

И всюду коммунисты. Коммунисты добывали свободу Кабарде в многочисленных боях гражданской войны, в мирном строительстве помогали стать Кабарде передовой республикой в Стране Советов, не жалели трудов для воспитания молодых коммунистов.

Доказательством новой заботы правительства и партии является постановление Совета Министров Союза ССР об открытии в Чалкинском Кабардино-Балкарского государственного университета. Это будет объединяющий центр научной мысли, кузница новых научных кадров.

Завтра в Москве начинаются вечера литературы и искусства Кабардино-Балкарской АССР. Русские кабардинские литературные связи возникли давно, и даже как указывают некоторые исследователи, со времен создания «Слова о полку Игореве», так давно, что можно проследить их в фольклоре русского и кабардинского народов, откуда шли они дальше по путям духовного содружества из века в век, все углубляясь и расширяясь.

Пушкин способствовал черкесскому писателю Султану Казы-Гирею поместить повесть «Долина Ажитукай» на страницах «Современника». Он даже написал дружеское послесловие:

«Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудюкии Кавказа становится в ряды наших писателей: черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели перемывать, в предлагаемом отрывке».

Мы знаем, что кабардинский народ имел такого выдающегося ученого и просветителя, большого поборника русско-кабардинской дружбы, как Шора Бекмурза Капчев. По его следам шел такой талантливый выразитель народных дум, как поэт Бекмурза Пачев.

В своей «Грамматике кабардинского языка» Ногом писал: «При учащении труда моего сердечное убеждение говорило мне, что придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство — светлячьи жизни — любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги, письмо... Недолго осталось до сего счастливого времени!»

Это счастливое время наступило. Сегодня, в дни народного праздника, кабардинский народ может сказать, что у него не только удовлетворено влюбленное чувство — любовь к знанию, но что из среды народа вышли писатели и поэты, которые продолжили дело Ногомова и Пачева в области кабардинской литературы.

Бекмурза Пачев видел конец старого мира. Перед ним вспыхнул свет Октябрьской революции. И тогда же зазвучали первые стихи Али Шогенуцкова, поэта своеобразной судьбы, человека цельного, сильного характера, создателя первого кабардинского социального романа в стихах «Камбот и Ляца»

и поэта, который не трагически его ранняя смерть от рук фашистских палачей в 1941 году в лагере для военнопленных.

Семья писателей Кабардино-Балкарии растет. Стихи Алима Кешокова «В новом доме» уже наполнены гулом созидательной работы, полны подробностей быта наших дней, чувством нового. Проза Хачима Теунова есть явление свежее и талантливое, а его художественное изображение образов основоположников кабардинской литературы Ш. Ногомова, В. Пачева, Али Шогенуцкова еще больше подчеркивает тему дружбы с русским народом. Книга стихов Бетала Куашева «Салам» говорит о чувстве социалистического интернационализма, о дружбе народов нашей Родины. Свообразие и сила таланта свойственных и другим писателям Кабардино-Балкарии, например Аскерию Шортанову, Кериму Отарову, Кайсыну Кулеву.

В ближайшее время появятся новые книги прозы Халача Каширгова «Источник счастья» — о жизни кабардинских колхозников, Амирхана Шомашова «Журнал счастья» и сборник рассказов молодого поэманика Хажибегия Хавчаева. Тяля Шогенуц написав роман «Дружба» — о Великой Отечественной войне.

Выходят и книги молодых поэтов, озаглавленные: «Голос горной реки». Да, это название оправданно поменяем и в книге стихах. Как вода быстрой горной реки стремится по уклону между камней и теснин с разнообразными оттенками цвета и голоса, так в стихах молодых поэтов можно уловить и глухое звучание, и резкий всплеск, и сильный, звучный ритм, увидеть хорошие краски чистой поэзии и замечательное движение, мутные краски.

Но в общем видно, что у кабардинских старых поэтов есть молодое, талантливое будущее в лице этой стремящейся вперед жизнелюбивой молодежи. Они умеют, подчас просто и сильно, выразить в стихе большое чувство. У Заура Налоева есть стихотворение «Руки кузнеца», и там такие строки:

Кузнец мне руку сжал рукой своею. В рубцах, в мозолях пальцы кузнеца. Я слыно стал сильнее и четнее, Как будто бы пожал ладонь отца.

Рука черна от угля и от масла, От пота жаркого влажна рука, Она умна, умела и крепка... По-моему, она прекрасна.

Очень выразительно то, что Налоев говорит о прозревшей после операции слепой девушке. Оглядываясь никогда не виданный и только предчувствуемый пейзаж и все, что предстало впервые перед глазами, она не может опомниться:

И насыщается краскою взгляда, Живой красой, что всех мечтаний краше.

Мне кажется, что и для поэзии молодых такое ощущение внезапного насыщения глаза новой краской, живой краской мира, вдруг явившегося по-иному, чем всегда, тоже в какой-то мере необходимо для обновления и оживления стиха.

Имена поэтов Мартина Алхасова, Фуасат Балкарской, Михаила Бицуева, Александра Браева, Хусена Гелдфуова, Кашобии Кушкова, Петра Мисакова, Султана Моллова, Заура Налоева, Зубера Тхагазиева, Хабаса Шогенова, Нури Шогенуцкова, Кашира Эльгарова говорят о том, что поэтическая молодежь Кабардино-Балкарии находится в хорошем настроении, в поисках значительной тематики, в поисках лучшей формы для выражения своих поэтических замыслов, и ей нужно сильно побориться за действительно сильный стих, за действительно насыщенное современностью содержание, за наступательный порыв в поэзии.

Вокруг них кипит красочные будни родной республики. Перед ними весь современный мир со всеми его противоречиями, борьба, которую ведет Советский Союз за мир против войны, за мирное сосуществование народов, за мир против угрозы атомного истребления.

Исторические темы тоже должны привлекать к себе кабардинских писателей уже потому, что о днях Октября, особенно на Северном Кавказе, еще не рассказано как следует. Одна жизнь такого выдающегося сына кабардинского народа, как Бетал Калмыков, — это готовая увлекательная книга. Революционные полководцы Кавказа — Киров, Серго Орджоникидзе могут стать героями поэм и повестей. Партизаны и дружка народов, когда все сыны народов Кавказа боролись за свою честь и свободу, — хорошая тема книги, предназначенной для юношества.

Кабарда сегодня празднует свой народный праздник не только в расцвете июньской природы, но и в расцвете собственных творческих и производственных сил. И над древними просторами Кабарды веет победоносное красное знамя народной победы и дружбы народов, знамя Великого Октября!

О том как появились НА СВЕТ «ПАКЕВ ИЗ КАБАРДЫ»

Первый раз Мухамед Тубаева ринуло под Московку. Падая в грязный, опаленный пороком, взрывной снарядом снег, он в какую-то долю секунды увидел перед собой то, что видит почти каждый солдат, прощаясь с жизнью — родное селение, отца близки. Но самую острую печаль ему принесла мысль о том, что он так и не сумеет написать пьесу, давно задуманную пьесу о себе и своих современниках: он назвал ее «Парень из Кабарды».

Когда его подстрелили вторично, он уже не говорил себе «все кончено». Стиснув зубы, подумал: «выживи!»

Он выжил. Дошел до Эльбы. Участвовал в штурме Берлина. И там, когда отступили боп, написал первый акт. Больше не успел — их часть перебросили на Дальний Восток.

Харбин. Порт-Артур. Передышка перед Владивостоком. И снова — новые бедствия... И в офицерской планшетке прибавился еще десяток листов со вторым актом.

Третий акт писал под Львовом. Но не был дописан. По глупой случайности сгорели бумаги Тубаева. «Значит, не судьба», — решил Тубаев. Но в ту же минуту одернул себя: «Николаю Островскому труднее было, а он переписывал заповеди, и не пьесу, а целый роман».

В Тамбове, куда батальон прибыл на расформирование, Тубаев восстановил в памяти все утраченные страницы.

(Окончание на 2-й стр.)

«СКОРОСТЫ.. ЭТО МЕЧТА КАЖДОГО ЛЕТИЧКА»

Каждый раз, когда произносится имя Чкалова в памяти моей астет наш довоенный аэролюбый аэродром, выливающая под дождем и солнцем звездная арка с поблеском, но такой брожкой надписью у вершины: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью..» И глубокий, проникновенный голос Валерия Павловича, задержавшегося на секунду у входа:

«Хорошо начинаете, орлеки, хороши!»

Селевший полковник, старожил Борисоглебского ордена Ленина Краснознаменного военного-авиационного училища имени В. П. Чкалова, показывающий мне папку с немногими сохранившимися документами, характеризующими Чкалова-курсанта. Полковник подчеркивает в летной характеристике абзац: «Чкалов являет пример осмысленного и внимательного летчика, который при прохождении летной программы был осматривал, осторожен, дисциплинирован».

Волнуясь, полковник говорит: «Пусть его биография поменяют в виду эти строчки. Конечно, писать о полетах Валерия под Грошским мостом в Ленинграде, о выраже вокруг Исаакя, о двухстах пятидесяти выполненных полетах мертвых петлях и эффетнее, и проще, но надо же понять душу этого летчика».

А душа его была широкой и тонкой. Двадцать лет назад, выступая на митинге, посвященном переименованию села Васильево в поселок Чкаловск, Валерий Павлович говорил:

«Говорилась земляка, я своей работой, своим поведением я не позволю оскорбить вашего доверия. Вся моя жизнь до последней капли крови я посвящаю Родине... Вся свою жизнь до последнего вздоха отдаю делу социализма. Вот в этом и есть мое счастье».

Одни из самых популярных летчиков в мире, первый пилот страны, Чкалов на митинг в Америке, после полета через Северный полюс, широко улыбаясь, бросает в зрителей, до отката набитый зал:

«Я прошу своих американских друзей извинить меня за то, что мы в ближайшее время догоним их страну. Наш полет принадлежит целиком рабочему классу всего мира. Мы, три летчика, амышедшие из рабочего класса, можем творить и работать только для трудящихся».

Он умел ярко говорить, по-настоящему, от души обращаться к людям. И все же больше всех, даже самых лучших его репей впечатляет одна, ставшая в авиации прямотой классической, фраза: «Все в порядке».

Краснокрылый «АНТ-25» пробивался через циклоны — на пути через полюс их было четыре; командир корабля радировал Москве: «Все в порядке»; кончался кислород, экипаж уже больше двух суток полет находилась в воздухе, а расширительный бачок охладительной системы выливал остатки питьевой воды, чай не термосов. «Все в порядке», — радиоволя с борта машины; от перемучения и долгого пребывания на высоте у Чкалова шла кровь носом, впереди лежали Скалистые горы, летчиков ждала ночь над журым континентом, и все равно: «Все в порядке».

Самолет Чкалова, Байдукова и Белюкова «АНТ-25» развивал скорость 160—180 километров в час; 6000 метров были для него высотой, почти предельной высотой. Отдавая должное летным качествам машины, Чкалов говорил вскоре после благополучного завершения полета в США: «Нам нужны самолеты, обладающие дальностью полета по прямой не менее 10 тысяч километров, со средней скоростью 300 километров в час. Он называл и «потолок» такой машины: семь-восемь тысяч метров».

Чкалов всегда мечтал о скорости. Обращаясь к комсомольцам, он писал: «Скорости.. Это мечта каждого летчика», и называл уже более высокую цифру — 1000 километров в час.

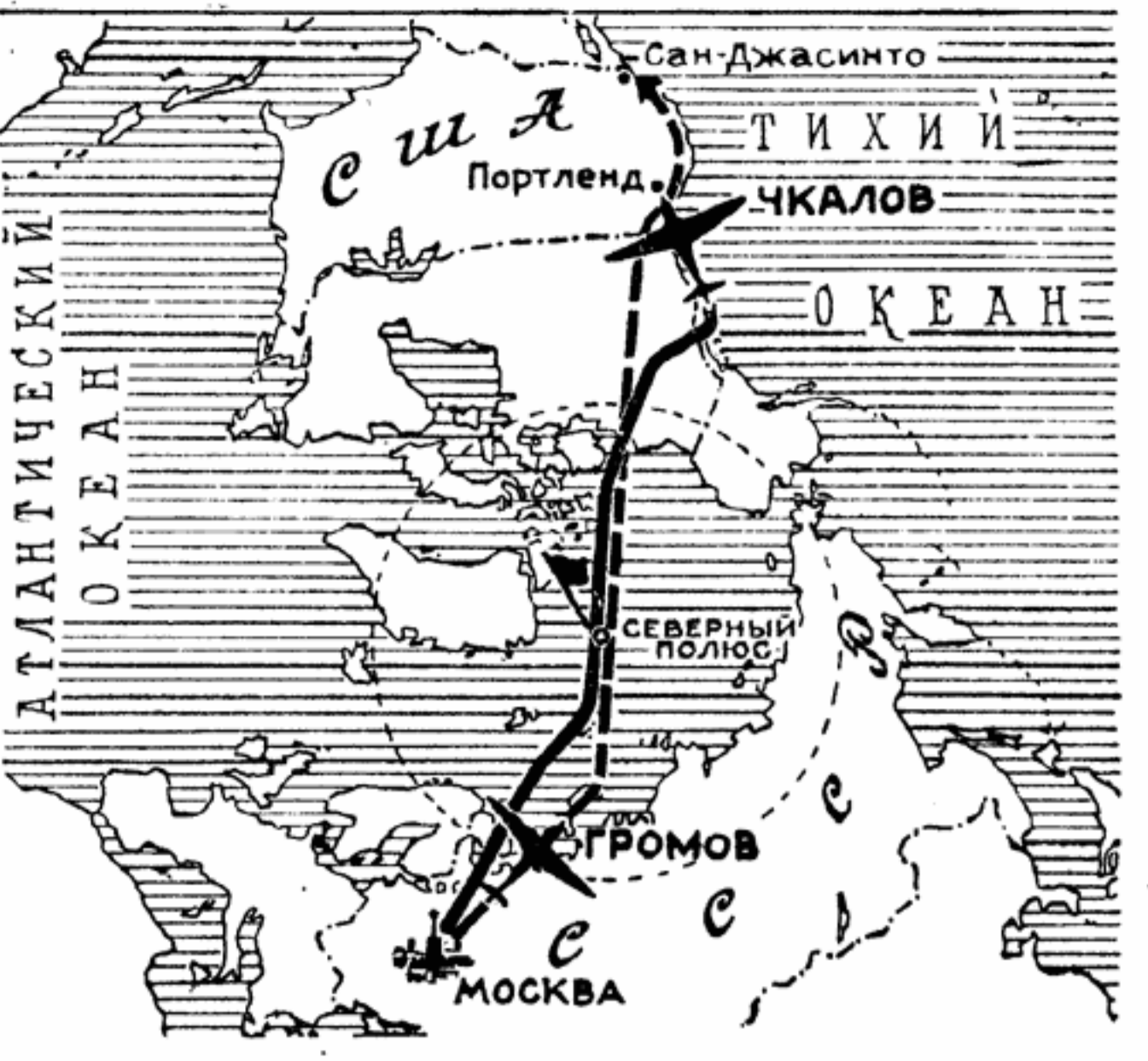
Это было двадцать лет назад. Сегодняшний рейсовый «ТУ-104» свободно поднимается на 10 тысяч метров и развивает скорость, превышающую 800 километров в час.

Два года назад, залгая на страницах «Литературной газеты» свое мнение о ближайших перспективах развития нашей авиации, проф. И. Остолаский предсказывал: «Думаю, что за это время (за два года. — А. М.) скорость порядка 2000 километров в час будет реализована».

В прошлом году мне довелось беседовать с авиаконструктором Социалистического Трудящегося Молодежьей Деятели своим мнением об авиационном нововещании, несколько раз подчеркнул, что при полете на больших скоростях особое значение приобретает автоматизация управления самолетом. Поминича, я попросил Семена Алексеевича уточнить классификацию скоростей — в наш век так быстро меняются представления о величинах.

«Запишите», — сказал конструктор: «1000 километров в час — малая скорость, 1500 — средняя, 2000 — большая; скорость порядка 3000 километров в час для летательных аппаратов, управляемых непосредственно пилотом, пока что считается очень большой. Все это — совершенно реальные цифры».

Не приходится сомневаться в том, что и года миновали со времени этой беседы, не прошел для нашей авиации бесследно... Через несколько дней на традиционном

Экипаж В. П. Чкалова в июне 1937 года совершил первый в мире беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс в Северную Америку на самолете «АНТ-25» за 63 часа 16 минут, преодолев за это время расстояние в 9130 километров. Экипаж И. М. Громова, стартовавший в июле того же года, пролетел на втором самолете этого же типа расстояние в 11500 километров по маршруту Москва — Северный полюс — США с несколько большей скоростью — за 62 часа 17 минут. Скорость современного пассажирского реактивного самолета «ТУ-104» примерно в пять раз превосходит среднюю скорость самолета «АНТ-25».

воздушном параде в Тушине москвичи увидели новый пассажирский самолет конструктора Героя Социалистического Трудящегося Академика Андрея Николаевича Туполева — «ТУ-110». Это — «выростили» за год «ТУ-104». У него четыре мощнейших реактивных двигателя, он принимает на борт сто пассажиров и превосходит своего предшественника рабочим «потолком» полета.

В небе Тушина строевые летчики продемонстрируют заправку дальнего самолета в воздухе с другой летящей машины. С помощью летящих бензоцистерн дальние самолеты сегодняшнего дня могут практически достигнуть без посадки любой точки земного шара.

Но уже близок день, когда и летающие безопоравиды устареют и, скажем, рейс из Москвы в Нью-Йорк не потребует ни промежуточных аэродромов, ни пополнения баков воздушного корабля в полете.

Однако не только скорость, дальность и высота полета волнуют наших конструкторов. Сравнительно недавно авиаконструктор Олег Константинович Антонов рассказывал мне:

«Быстро, но дорого», — сейчас есть все возможности создавать самолеты, на которых можно будет летать не только быстро, но и дешево. Я всегда интересовался экономикой, а за последние время почти улекся этой наукой. В экономике, честное слово, есть своя поэзия».

Результат «экономических увлечений» Антонова — восьмидвигательный турбовинтовой самолет «Украина» — также пролетит над Тушином в день авиационного праздника. Это — комфортабельная пассажирская машина способна конкурировать по своим летным качествам с очень многими линейными самолетами, бороздящими воздушные дали мира, а по экономическим показателям она серьезнейший конкурент даже для железнодорожного транспорта.

«Скоро сотни турбовинтовых пассажирских самолетов смогут за год эксплуатировать на линиях Аэрофлота дать государству миллионы рублей дохода. Летать будет не дорого, чем ездить на поезде», — слова эти, сказанные в той же беседе всего год назад, как мы видим, начинают уже превращаться в жизнь...

Мечтать в наши дни становится все труднее — слишком часто реальная жизнь обгоняет, казалось бы, самые смелые, самые дерзкие замыслы.

На днях я виделся с ближайшим другом Чкалова, его бесценным вторым пилотом Георгием Филипповичем Байдуковым. Естественно, речь шла о наиболее перелетах, о планах на будущее, о мечтах.

Георгий Филиппович, почти не поседевший и мало состарившийся за эти годы, глядя в темнеее окошко, говорил с улыбкой:

«Замучили совсем корреспонденты газет радио, телевидения... давно уже так тонко атаке не подвергался. И все же о том спрашиваю! Ну, что теперь говорят о перелете; ей-богу, сегодня полюс — не проблема. И трассу нашу любой из летчиков дальней авиации может пройти в десять раз быстрее».

Если уж вспоминать о старом, то я бы вот о чем вспоминал: двадцать лет назад американские летчики обещали совершить к нам ответный визит. И до сих пор не выполнили своего обещания. Конечно, дело здесь не в технических возможностях. К сожалению, в Соединенных Штатах Арктику больше всего интересуют в стратегической авиации.

А ведь через полюс проходит неакратчайшая трасса между двумя континентами. От Москвы до Чикаго viene ближе лететь через полюс, чем через Атлантический или Тихий океан. Мне бы очень хотелось, чтобы по нашему пути пошли пассажирские воздушные корабли, чтобы американцы летали к нам — и мы к американцам — по деловым, дружеским командировкам. Для этого ведь есть все возможности».

А что касается более дальних планов, то бы лучше с астроными побеседовать — завтрашний день принадлежит странонавтам, и год нынче тоже им отдан...

Анатолий МАРКУША

М. А. Шолохов в Норвегии

Издательство «Тиден», выпускающее произведения М. Шолохова, устроило в клубе журналистов пресс-конференцию, на которой присутствовали корреспонденты всех крупных газет столицы, журналисты из провинции и сотрудники иностранных телеграфических агентств. Шолохов ответил на многочисленные вопросы, касающиеся состояния современной советской литературы, рассказал о своей работе и творческих планах.

Позднее издательство «Тиден» устроило в честь М. Шолохова обед, на котором присутствовали премьер-министр Эйнар Герхардсен, бывший председатель правления этого издательства, председатель комиссии сториной по иностранным делам Финн Му, писатели Арве Муен, Банг-Хансен и другие деятели.

В своей речи директор издательства Фельд заявил, что норвежское издание «Тихого Дона», вышедшее в свет в прошлом году, было с восхищением встречено всей норвежской прессой, независимо от политической ориентации изданий. Такие произведения, как «Тихий Дон», сказал он далее, имеют неограниченное значение в деле расширения взаимопонимания между людьми и нациями всех стран. Премьер-министр Герхардсен заявил на обеде, что он рад приветствовать крупнейшего советского пи-

сателя на норвежской земле, и надеется, что Шолохов внесет много интересного и ценного из своей поездки по Норвегии

Норвежское радио организовало интервью с М. Шолоховым, который обратился со словами приветствия к трудолюбивому и мужественному народу Норвегии, давшему миру таких выдающихся деятелей мысли и культуры, как Ибсен, Бернсон и Григ. Советский писатель был гостем в отделе общества «Норвегия—СССР» города Драммена, где в течение двух часов отвечал на многочисленные вопросы присутствовавших. Прощаясь с собравшимися, он сказал: «Перед отъездом в Норвегию мне говорили, что норвежцы очень замкнуты и немногословны. Но я могу вас заверить, что сегодня вечером вы задали мне больше вопросов, чем мне было бы их задавать на подобном собрании у нас, даже если бы на нем было людей в десять раз больше, чем здесь. У меня было такое чувство, что мы здесь как члены одной большой семьи. Ваши вопросы дали мне яснее представление о том, какие стороны жизни советского народа и советской литературы особенно интересуют норвежцев».

Ивар ДИГЕРНЕС, норвежский журналист

Осло. (По телефону)

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВОГО

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Огромную радость принесит многолетнее наблюдение за тем, как возникает и растет новое — и особенно когда это новое относится к культуре духовной. Такое радостное удовлетворение испытывает всякий, кто следит за тем, как кабардинский и балкарский народы, раскрепощенные Великой Октябрьской революцией от царско-чиновничьего гнета и феодального уклада и освобожденные Советской властью от капиталистической эксплуатации, вооружившись своей письменностью, поднялись до всеобщей грамотности, создали свою национальную интеллигенцию, свою высокую культуру.

На наших глазах в поэзии Кабарды и Балкарии из-за причудливых очертаний мифического эпоса с его поражающими воображение образами героев и титанов стали проступать черты нового, реалистического искусства, и мы находимся к тому, что это искусство с первых же шагов обнаруживает социалистическую направленность. Таким было творчество Али Шогенцукова, которое фашисты замяли голодом за то, что он не изменил великой правде коммунизма, не изменил своей верной любви к советской Отчизне. В его литературном наследстве осталось не очень много произведений художественной прозы, но редакторы — составители цензурной книги правильно сделали, открыв сборник двумя рассказами Али Шогенцукова о прошлом Кабарды.

Али Шогенцуков на собственном горьком опыте испытал гнет прошлого, — этим обусловлена его глубокая любовь к советскому строю. Но и авторы других произведений, писатели, принадлежащие к поколению, которое не могло испытать на себе феодально-капиталистической эксплуатации, обращая к прошлому свои взоры, со всей правдивостью описывают явны и раны старого строя. И это хорошо — пусть даже сравняют ту волюнтарную жизнь, которой они живут сейчас, с тем, как жили их отцы и деды, пусть их сердца обольются кровью, когда они прочтут, что коварлю и подло обманул князь Асланбекер вбунтовавшегося против него брата своего Бота в ярком рассказе Аскерия Шортанова «Валгач».

Рассказ этот с ярким драматическим сюжетом является свидетельством писательской зрелости кабардинско-балкарского искусства эпохи. — Природе, описанное в рассказе, относится к самому началу кавказских войн, и такая деталь, как палочки, которые дает при выезде в русскую крепость часовой «немирному» кабардинцу (каждая палочка обозначает что-либо из сданного кабардинцем вооружения, которое будет возвращено ему взамен этих палочек, когда он будет выезжать из крепости), — такая деталь сразу переносит нас в далекое воинственное и варварски-наивное прошлое Кавказа.

А Шортанов умеет буквально одним штрихом нарисовать князя, у которого княжеская надменность неотделима от коварства, и подлого прислужника его, предателя Мыку, и простодушного Бота, и хозяйку русского дома в Моздоке, где Бота привадили как кунака, русскую женщину во всей прелесть ее доброго характера, и просительного ума и забойного гостеприимства. Все в этом рассказе направлено к одной цели: внушить читателю священное недоверие к действиям классового врага, показать, что как бы ласково ни звучали его посулы и обещания, с ним следует быть настороже, — мораль, которую не рекомендует забывать и в настоящее время!

Прощло, хотя уже и не столь далеко, изображается также в маленькой повести Хачима Теунова «Аслан». Хочется отметить одну характерную черту этой повести и вообще кабардинской прозы — положительные образы русских людей. Присутствие русского друга в произведениях кабардинских писателей исторически глубоко обосновано. Куначество издавна связывало трудящихся русских и горцев: оно-то и подготавлило почву для братства и дружбы, которые стали законом

в постоктябрьскую эпоху. В каждом из рассказов, посвященных постоктябрьской эпохе, присутствие русского героя почти обязательно. Это — начальник строительного электростанции Михаил Иванович в рассказе «Новый поток» Хачима Теунова; это снегостая ленинградка агроном Гага, удочеренная стариками Шумахо и Яной, у которых сын пал смертью храбрых при обороне родного Гага Ленинграда («Шумахо поэт» Хажбекера Хавпачева). По правдивому свидетельству каждого из кабардинских писателей, русский — это друг и брат, русский приносит в горский аул знание, науку и технику.

Около десятка произведений напечатано в сборнике, и, если взять их в совокупности, мы видим по ним, как прочно за советскую эпоху утвердился новый, социалистический порыв жизни, как он пропитал собой всю жизнь Кабарды, как искоренил старое и отжившее, как навеки вошел он и в быт семьи, и в быт народа.

Любовь к коню издавна была свойственна кабардинцу. Но вот в рассказе Султана Купцова «Два скакуна» мы видим, как эта страсть способствует воспитанию социалистических навыков и понятий у школьников.

Что может быть более искренним то-го чувства любви и гордости, с которым бабушка ожидает появления внука? Но дочка сейчас рождает не в темном загоне при сомнительной помощи невежественной знахарки, а в чистом и светлом родильном доме. Бабушка Гамахан — знатный человек на птицеферме колхоза, и, взяв янгуку дочки из родильного дома, она выбирает дорогу мимо птицефермы, чтобы все товарищи по работе видели ее торжество. В этом торжестве приняла участие не только подружка с птицефермы, но и руководитель колхоза, Замир — дается малынку имя, звучит оно по-кабардински, но наречено по прямому русскому смыслу этого слова:

— Будь здоров, маленький Замир!
— Живи счастливо, дорогой Замир!
— Мир — это счастье!

Так говорят гости, поднимая бокалы, и с этим возгласом Кабарда со своими аулами, расположенными у подножия Кавказского хребта, входит в единый строй советских народов, в единый фронт всех миролюбивых стран.

Рассказ «Замир» какой-либо брызгливый догматик, по-алтекарски придирчиво дозирующий хорошее и плохое, может упрекнуть в идеальности, чуть ли не в лакировке, — ведь подумай: в этом рассказе нет ни одного отрицательного штриха! Но даже талантливый плакат, резко подчеркивающий плохое или хорошее, право же, лучше посредственной картины, где свет и тени положены с таким расчетом, чтобы не было ни слишком темного, ни слишком светлого.

Конечно, автор этого рассказа Хажбекер Шогенцуков — писатель еще молодой, и в сборнике включен рядом с рассказом «Замир» весьма посредственный рассказ «Шумахо поэт». И не то плохо, что в этом рассказе тоже отсутствуют тени, а то плохо, что если бабушка Гамахан дана во многом проявлениями своего характера, то рассказ «Шумахо поэт» весь утопает в бездельности и сентиментальности. В нем даже о таком важнейшем обстоятельстве, как смерть сына Шумахо и Яны в бою во время Великой Отечественной войны, обстоятельство, которое, собственно, и определило удочерение стариками русской девушки Гаги, мы узнаем между прочим.

Велики изменения, принесенные в жизнь и быт Кабарды победоносной Октябрьской революцией и социалистическим строительством. Но с особенной силой — и в этом мы вправе доверять свидетельствам кабардинских писателей — эти изменения сказались на положении кабардинской женщины.

Мы помним ее такой, какой она являлась в мечтах Аслана у Х. Теунова — «тихая, покорная, работающая...», со всеми добротами рабыни. Мы видели, как в рассказе X. Хавпачева «Добрый шаг» кабардинская крестьянка, вдова, последняя одиноличница в ауле, освобождается от влияния мусульманского фанатика-кулака и вступает в колхоз.

Но с вниманием, наиболее пристальным, следят кабардинские писатели за судьбами молодого поколения кабардинских женщин. Много общего есть в судьбах героинь рассказа X. Купцова «Механик» и повести Алама Шогенцукова «Весна Софий». В своем стремлении пробить путь к новой жизни девушкам — героиням этих произведений — приходится преодолевать сопротивление косных слоев кабардинского села, старших родственников, которые хотят направить жизнь девушек по проторенной колеи освещенного религией и обычаями домашнего рабства. Это неслеткая борьба, и она придает напряженный и драматический характер развитию сюжета. Ведь второй героине повести «Весна Софий» — Аружан пришлось отбиваться, когда ее прямо с трактора, на котором она работала, хотело похитить «жених» со своими приспешниками.

Маленькая, худенькая Аружан отбилась в борьбе ей проранили ногу, изуродовали на всю жизнь, она стала прихрамывать. Но Аружан победила и снова вернулась на трактор. Кто же такой этот «жених», дерзко отважившийся на то, чтобы нарушить советский закон и поработить свободную советскую женщину? Может быть, это прачушкин где-либо в ущелье азоев? Ничего подобного — это всего-навсего заготовитель. Зубер, послануший на свободу Аминат — героиня рассказа С. Купцова, оказывается, тоже работает в советском учреждении. И повесть, и рассказ ясно показывают, что старое живет, что оно до поры до времени умело маскируется и надо обладать зорким глазом, чтобы разглядеть его в повседневной жизни. Но новое побеждает. Аружан, Аминат и все девушки Кабарды никакие и никому не отдадут своей свободы, дарованной им советским строем.

Речь в обоих произведениях идет о юношах и девушках, и трудно было бы представить себе, чтобы в сюжет не вошли любовные мотивы. Но как чисто и целомудренно дана первая любовь Аминат к Сверстанку своему и товарищу по работе Хасану, который поощряет любимую девушку — в ее борьбе за новый жизненный путь, — к взаимному любовному признанию приходит они только к концу рассказа.

Чувство Софий к старшему товарищу, коммунисту Мухому, вложено в несколько иными детьми, только намечается в конце повести, тут еще все впереди, — это утро и ранняя весна любви, но исполненная такой чистоты и свежести весна!

С волнением читал произведения кабардинских писателей о том пути борьбы, который с честью проходит кабардинская женщина, а я раз представляла себе один из наиболее замечательных образов кабардинского эпоса — Лашин, могучую настолько, что она была пересказывала через высокую изгородь, Лашин, которая победила в единоборстве богатыря из сильного племени, напавшего на Кабарду. И эта женщина — нар-то, богатыря и наместника — в то же время безропотно сносит, когда ее муж — ни за что! — просто, чтобы она была ему послушна, избирает жену нагайкой.

Мощные силы скрыты в женщине-кабардинке — ведь не случайно Лашин — дочка нарской волшебницы Сатаней, — и вся степень ее рабской пораженности в семье с изумительной силой выражена в этом гигантском образе, созданном гением народа.

Но пришло время освобождения. Советский строй пришел на помощь к Аминат, Софий, Аружан, ко многим другим девушкам-кабардинкам — учительницам и трактористкам, врачам и механизаторам, в которых мы угадываем потомков женщины-нарты Лашин.

Товарищи из Союза писателей разыскали Балкарову, ободрили ее: «У вас же талант! Неожиданная поддержка открыла Фоусат, помогла ей вернуться к творчеству. Она вдруг обнаружилась: как много у нее нерастраченных сил! Стихи полились, они собралась в газетах, сборниках, их собралось так много, что стало возможным выпустить отдельную книжку...»

Ну, а муж? А угрозы? Фоусат качает головой.

— Когда в человеке пробуждаются силы, он рвет все путы. И внутри, и вне себя...

О ХАСАНЕ, КОТОРЫЙ СНАЧАЛА СТАЛ РЕКОРДСМЕНОМ...

Про удивительных говорят: «Родился в сорочке». Если так, Хасан Гонон родился в трех сразу. И, наверное, одна из них была металлической. Потому что к металлу у Хасана оказалась необыкновенный талант. Скольким ему было, — всего шестнадцать лет, когда он пришел на завод, а он тут же, что называется, с ходу, освоил токарный станок и вскоре стал творить на нем чудеса.

Большая, добрая слава пошла на завод про Хасана. Имя его не сходило с уст цеховой «молнии», о нем писали в стенной газете: «Нам рекордсмен!», «Наш лучший рабочий!».

Рекордсменом-то он стал, но рабочий, настоящий советским рабочим еще не был. И вот как это обнаружилось.

Завод выполнял срочный заказ, и для него крайне нужна была деталь, которую вытачивал Гонон. А Хасан вдруг замолчал.

— Что это? — «Я заболел!» (Он кончал вежливую десятилетку и умел при случае вставить ученое слово!) И не автостоп, чтобы сделать одно и то же. Дайте ему отлучиться обязательно! И не сейчас же, а в пятницу, когда все уже кончено, а он тут же, что называется, с ходу, освоил токарный станок и вскоре стал творить на нем чудеса.

Большая, добрая слава пошла на завод про Хасана. Имя его не сходило с уст цеховой «молнии», о нем писали в стенной газете: «Нам рекордсмен!», «Наш лучший рабочий!».

Рекордсменом-то он стал, но рабочий, настоящий советским рабочим еще не был. И вот как это обнаружилось.

Завод выполнял срочный заказ, и для него крайне нужна была деталь, которую вытачивал Гонон. А Хасан вдруг замолчал.

— Что это? — «Я заболел!» (Он кончал вежливую десятилетку и умел при случае вставить ученое слово!) И не автостоп, чтобы сделать одно и то же. Дайте ему отлучиться обязательно! И не сейчас же, а в пятницу, когда все уже кончено, а он тут же, что называется, с ходу, освоил токарный станок и вскоре стал творить на нем чудеса.

Большая, добрая слава пошла на завод про Хасана. Имя его не сходило с уст цеховой «молнии», о нем писали в стенной газете: «Нам рекордсмен!», «Наш лучший рабочий!».

Рекордсменом-то он стал, но рабочий, настоящий советским рабочим еще не был. И вот как это обнаружилось.

Завод выполнял срочный заказ, и для него крайне нужна была деталь, которую вытачивал Гонон. А Хасан вдруг замолчал.

— Что это? — «Я заболел!» (Он кончал вежливую десятилетку и умел при случае вставить ученое слово!) И не автостоп, чтобы сделать одно и то же. Дайте ему отлучиться обязательно! И не сейчас же, а в пятницу, когда все уже кончено, а он тут же, что называется, с ходу, освоил токарный станок и вскоре стал творить на нем чудеса.

Большая, добрая слава пошла на завод про Хасана. Имя его не сходило с уст цеховой «молнии», о нем писали в стенной газете: «Нам рекордсмен!», «Наш лучший рабочий!».

Рекордсменом-то он стал, но рабочий, настоящий советским рабочим еще не был. И вот как это обнаружилось.

Завод выполнял срочный заказ, и для него крайне нужна была деталь, которую вытачивал Гонон. А Хасан вдруг замолчал.

— Что это? — «Я заболел!» (Он кончал вежливую десятилетку и умел при случае вставить ученое слово!) И не автостоп, чтобы сделать одно и то же. Дайте ему отлучиться обязательно! И не сейчас же, а в пятницу, когда все уже кончено, а он тут же, что называется, с ходу, освоил токарный станок и вскоре стал творить на нем чудеса.

Большая, добрая слава пошла на завод про Хасана. Имя его не сходило с уст цеховой «молнии», о нем писали в стенной газете: «Нам рекордсмен!», «Наш лучший рабочий!».

Рекордсменом-то он стал, но рабочий, настоящий советским рабочим еще не был. И вот как это обнаружилось.

«Гробница человека разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет», — говорят в Кабарде. Песня не исцеляла, не исцеляла гугуано — народные песни, но исцеляла поэзию. От народных песен в Антологии, которую в борьбе против ханов «собрал землетрясение» поэт Зубер Тагайтов, воспевавший купичку «Ислам» — танец, от которого «липло сердце, бешено звеня», прославляется развитие кабардинской поэзии.

Выпускная редакция и 400-летие добровольного присоединения Кабарды к России, «Антология кабардинской поэзии» открывается разделом «Народная поэзия». В старинных песнях звучит голос измученного кабардинского крестьянства:

Иерные дни, что их чернее? Души мои!
Этот раздел завершается — полными радости народными песнями советского периода

«Я люблю, я люблю тебя, ты забывай, ты забывай... Над степью доны, над степью доны... Зачем наш вое похальный Ты спрашиваешь, кто?»

«Вторая часть сборника знакомит нас с творчеством поэтов Советской Кабарды: Бенжурис, Пачева, Амирахан Хавпачева, Али Шогенцукова, Алиям Кешкова, со стихами молодых. Горчаче, не, утеси и горлы, мгновенно сгущающиеся туман, в старые озера — древняя Кабарда живет в этих стихах, но она уме, не та, что раньше.

Конечно, поэты и волшебные дела, которые совершают нарские богатыри, носят фантастический характер, но в них отразилось величественное прошлое, когда, покори себе огонь и с помощью его научившись плавить металлы и изготовлять оружие, человек почувствовал себя хозяином вселенной. И в этом древнем таинственном есть как бы предвидение того радостного и уверенного сознания, с которым люди нашей страны, низвергнув чудовищ феодализма и капитализма, поставили себе на службу силы природы, до атомной энергии включительно. Правда, чудовища экзоплуаторского общества, сокрушенные в политике и экономике, еще пытаются укрепиться в области идеологии, и порою их зловещие тени, которые мы именует пережитками феодализма и капитализма в сознании людей, навострят нас существующий ущерб.

По свидетельству кабардинских писателей, подчас борьба с этими пережитками нелегка. И не случайно в одном из лучших рассказов сборника, в рассказе «Новый поток» X. Теунова, показано, как воспитанным советским строем молодым инженером и рабочим-кабардинцем пришлось вступить в борьбу с одним из таких невидимых врагов — с пережитками частной собственности, угнездившимися в сознании старика Пару. Гигантский акаватор остановил свою работу, «будо рассерженный слон-великан с зарваным хоботом», хотя перед ним всего «ветхий, покочнувшийся плетень и заросли зелено-сизого оцепеневшего бурьяна, возле которого топтался маленький старик». Канад, который должен принести небывалый урожай и дать электроэнергию всему народу, пролетает через клочок земли, принадлежащий старому Пару. Острога позиция усугубляется тем, что акаватор велет Биляль, сын старика Пару. Новое побеждает, старик уступает. А рассказ делает свое, — он позволяет реально измерить силу невидимых врагов социалистического строя, силу предрассудков, пережитков, ту силу привычек, о которой великий Ленин не случайно сказал, что это — страшная сила!

Сборник «Заря над Эльбурсом» — интересная и содержательная книга. Ценность ее состоит в том, что произведения, в нее включенные, утверждают лучшие черты нового, социалистического начала в борьбе с силами старого мира. Сборник этот — свидетельство того, что в кабардинской литературе есть даровитые люди, творчеству которых предостаток близкий и пышный расцвет.

Без нас не быть морям.

И пена, точно стружка, — Единственный мой груз. Я — горная речушка, Я к морю тороплюсь.

И, как бы шутя, «самокритично» говорит о себе подобный:

Такой у нас характер — Капризен и упрям.

И тут же, не давая нам возможности даже подкашлянуть, добавляет две очень значительные строки:

Ну, говоря по правде, Без нас не быть морям.

Ну, как не полюбить такую речушку? Спасибо автору за то, что он познакомил нас с такой своеобразной красоткой!

Некоторые стихи Кулиева присущие мирное звучание, и оно оправдано, ибо это — покаянная человеческая грусть о минувшем детстве, воспоминания о далекой первой любви, о трудных днях жизни, о тяжелых утратах в годы Великой Отечественной войны. Но главная нота — это радость жить, отменяя усложненность, жажда творить и мчаться навстречу новому, обществу с друзьями, славить молодость, отвергать все то, что мешает нам, советским людям.

Герой стихов Кайсына Кулиева не любит одиночества, он кровно связан с людьми и везде видит такую связь, даже в том, что ласточка свила гнездо прямо в кухне:

Вот и ты меня, пожалуйста, пойми: Даже ласточке спокойнее с людьми.

Люди, с которыми спокойнее даже ласточка, не являются поклонниками покоя, нет, они кулют металл, строят дома, пахут стада, пахут поля. Они любят роющую землю и свою любовь подтверждают действием.

И перестала ездить в город: пусть себе живут, как хотят. Она бы и Вовну, внука, смотреть не поехала, но тайная надежда, что он родится черным, как все кабардинцы, смелее, но тайная надежда не сбылась... внук оказался белоколым, с голубыми глазами.

Хотела Каражан прозвонить: «и тут подвели!», как вдруг Вовка беспомощно дивнул ручонками и улыбулся жалко, рассеянно — не то кому другому, не то ей, бабке, Каражан, во всяком случае, показалось, что именно ей. Сердце у нее дрогнуло.

— Как держишь младенца? — сурово прикрикнула она на дочку. — Дай сюда!

«Вовне уже пять лет, и он очень дружит с бабушкой, разговаривая с ней на странном для постороннего слуха языке — слово по-русски, слово по-кабардински. Ничего, Каражан прекрасно все понимает!»

О «НЕЛЮДИМОМ» КОВТУНЕНКО И СЕРЕБИСТЫХ ТЯНЬШАНСКИХ ЕЛХ

Селяны умирали... Они всходили, как положено, в назначенный срок, вставали густой желтой щеткой, но, простояв несколько дней, начинали желтеть и падать. И ничто не могло их спасти — никакие виды почв, никакие сочетания удобрений. Даже родная среда — земля, собранная пригорнями, в лесу, меж корней взрослых елей, и та не могла помочь им выжить, окрепнуть.

Селяны умирали, а селяны становились все меньше. Вот их осталось совсем небольшой кулекчик. Ковтуненко, без того худощавый, поджарый, высок убог совсем, по черной и — неразговорчивый от природы — омонительно замкнулся. Недруги пустили слухом о его «странности»: «Ковтуненко-то ужидил — выгнал жену начальником имярем, прихватившую к нему за букетом» — «Что вы, о самом начальником не пожелал разговаривать!»

«Нелюдином Ковтуненко» — так и пристало к нему это прозвище. А он-то носил в сердце мечту: вырастить миллиарды прекрасных благоуханных роз, миллионы деревьев благородной тяншьанской ели и украсить ими все горы и поселки, до самых пустынных, до самых суровых мест.

В минуты откровенности он говорил: — Вы знаете, что такое цветы? Цветами человек рождается, с цветами женится, с цветами умирает... Красота делает человека лучше, мяте — само-

«Гробница человека разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет», — говорят в Кабарде. Песня не исцеляла, не исцеляла гугуано — народные песни, но исцеляла поэзию. От народных песен в Антологии, которую в борьбе против ханов «собрал землетрясение» поэт Зубер Тагайтов, воспевавший купичку «Ислам» — танец, от которого «липло сердце, бешено звеня», прославляется развитие кабардинской поэзии.

Выпускная редакция и 400-летие добровольного присоединения Кабарды к России, «Антология кабардинской поэзии» открывается разделом «Народная поэзия». В старинных песнях звучит голос измученного кабардинского крестьянства:

Иерные дни, что их чернее? Души мои!
Этот раздел завершается — полными радости народными песнями советского периода

«Я люблю, я люблю тебя, ты забывай, ты забывай... Над степью доны, над степью доны... Зачем наш вое похальный Ты спрашиваешь, кто?»

«Вторая часть сборника знакомит нас с творчеством поэтов Советской Кабарды: Бенжурис, Пачева, Амирахан Хавпачева, Али Шогенцукова, Алиям Кешкова, со стихами молодых. Горчаче, не, утеси и горлы, мгновенно сгущающиеся туман, в старые озера — древняя Кабарда живет в этих стихах, но она уме, не та, что раньше.

Конечно, поэты и волшебные дела, которые совершают нарские богатыри, носят фантастический характер, но в них отразилось величественное прошлое, когда, покори себе огонь и с помощью его научившись плавить металлы и изготовлять оружие, человек почувствовал себя хозяином вселенной. И в этом древнем таинственном есть как бы предвидение того радостного и уверенного сознания, с которым люди нашей страны, низвергнув чудовищ феодализма и капитализма, поставили себе на службу силы природы, до атомной энергии включительно. Правда, чудовища экзоплуаторского общества, сокрушенные в политике и экономике, еще пытаются укрепиться в области идеологии, и порою их зловещие тени, которые мы именует пережитками феодализма и капитализма в сознании людей, навострят нас существующий ущерб.

По свидетельству кабардинских писателей, подчас борьба с этими пережитками нелегка. И не случайно в одном из лучших рассказов сборника, в рассказе «Новый поток» X. Теунова, показано, как воспитанным советским строем молодым инженером и рабочим-кабардинцем пришлось вступить в борьбу с одним из таких невидимых врагов — с пережитками частной собственности, угнездившимися в сознании старика Пару. Гигантский акаватор остановил свою работу, «будо рассерженный слон-великан с зарваным хоботом», хотя перед ним всего «ветхий, покочнувшийся плетень и заросли зелено-сизого оцепеневшего бурьяна, возле которого топтался маленький старик». Канад, который должен принести небывалый урожай и дать электроэнергию всему народу, пролетает через клочок земли, принадлежащий старому Пару. Острога позиция усугубляется тем, что акаватор велет Биляль, сын старика Пару. Новое побеждает, старик уступает. А рассказ делает свое, — он позволяет реально измерить силу невидимых врагов социалистического строя, силу предрассудков, пережитков, ту силу привычек, о которой великий Ленин не случайно сказал, что это — страшная сила!

Сборник «Заря над Эльбурсом» — интересная и содержательная книга. Ценность ее состоит в том, что произведения, в нее включенные, утверждают лучшие черты нового, социалистического начала в борьбе с силами старого мира. Сборник этот — свидетельство того, что в кабардинской литературе есть даровитые люди, творчеству которых предостаток близкий и пышный расцвет.

Без нас не быть морям.

И пена, точно стружка, — Единственный мой груз. Я — горная речушка, Я к морю тороплюсь.

И, как бы шутя, «самокритично» говорит о себе подобный:

Такой у нас характер — Капризен и упрям.

И тут же, не давая нам возможности даже подкашлянуть, добавляет две очень значительные строки:

Ну, говоря по правде, Без нас не быть морям.

Ну, как не полюбить такую речушку? Спасибо автору за то, что он познакомил нас с такой своеобразной красоткой!

Некоторые стихи Кулиева присущие мирное звучание, и оно оправдано, ибо это — покаянная человеческая грусть о минувшем детстве, воспоминания о далекой первой любви, о трудных днях жизни, о тяжелых утратах в годы Великой Отечественной войны. Но главная нота — это радость жить, отменяя усложненность, жажда творить и мчаться навстречу новому, обществу с друзьями, славить молодость, отвергать все то, что мешает нам, советским людям.

Герой стихов Кайсына Кулиева не любит одиночества, он кровно связан с людьми и везде видит такую связь, даже в том, что ласточка свила гнездо прямо в кухне:

Вот и ты меня, пожалуйста, пойми: Даже ласточке спокойнее с людьми.

Люди, с которыми спокойнее даже ласточка, не являются поклонниками покоя, нет, они кулют металл, строят дома, пахут стада, пахут поля. Они любят роющую землю и свою любовь подтверждают действием.

И перестала ездить в город: пусть себе живут, как хотят. Она бы и Вовну, внука, смотреть не поехала, но тайная надежда, что он родится черным, как все кабардинцы, смелее, но тайная надежда не сбылась... внук оказался белоколым, с голубыми глазами.

Хотела Каражан прозвонить: «и тут подвели!», как вдруг Вовка беспомощно дивнул ручонками и улыбулся жалко, рассеянно — не то кому другому, не то ей, бабке, Каражан, во всяком случае, показалось, что именно ей. Сердце у нее дрогнуло.

— Как держишь младенца? — сурово прикрикнула она на дочку. — Дай сюда!

«Вовне уже пять лет, и он очень дружит с бабушкой, разговаривая с ней на странном для постороннего слуха языке — слово по-русски, слово по-кабардински. Ничего, Каражан прекрасно все понимает!»

О «НЕЛЮДИМОМ» КОВТУНЕНКО И СЕРЕБИСТЫХ ТЯНЬШАНСКИХ ЕЛХ

Селяны умирали... Они всходили, как положено, в назначенный срок, вставали густой желтой щеткой, но, простояв несколько дней, начинали желтеть и падать. И ничто не могло их спасти — никакие виды почв, никакие сочетания удобрений. Даже родная среда — земля, собранная пригорнями, в лесу, меж корней взрослых елей, и та не могла помочь им выжить, окрепнуть.

Селяны умирали, а селяны становились все меньше. Вот их осталось совсем небольшой кулекчик. Ковтуненко, без того худощавый, поджарый, высок убог совсем, по черной и — неразговорчивый от природы — омонительно замкнулся. Недруги пустили слухом о его «странности»: «Ковтуненко-то ужидил — выгнал жену начальником имярем, прихватившую к нему за букетом» — «Что вы, о самом начальником не пожелал разговаривать!»

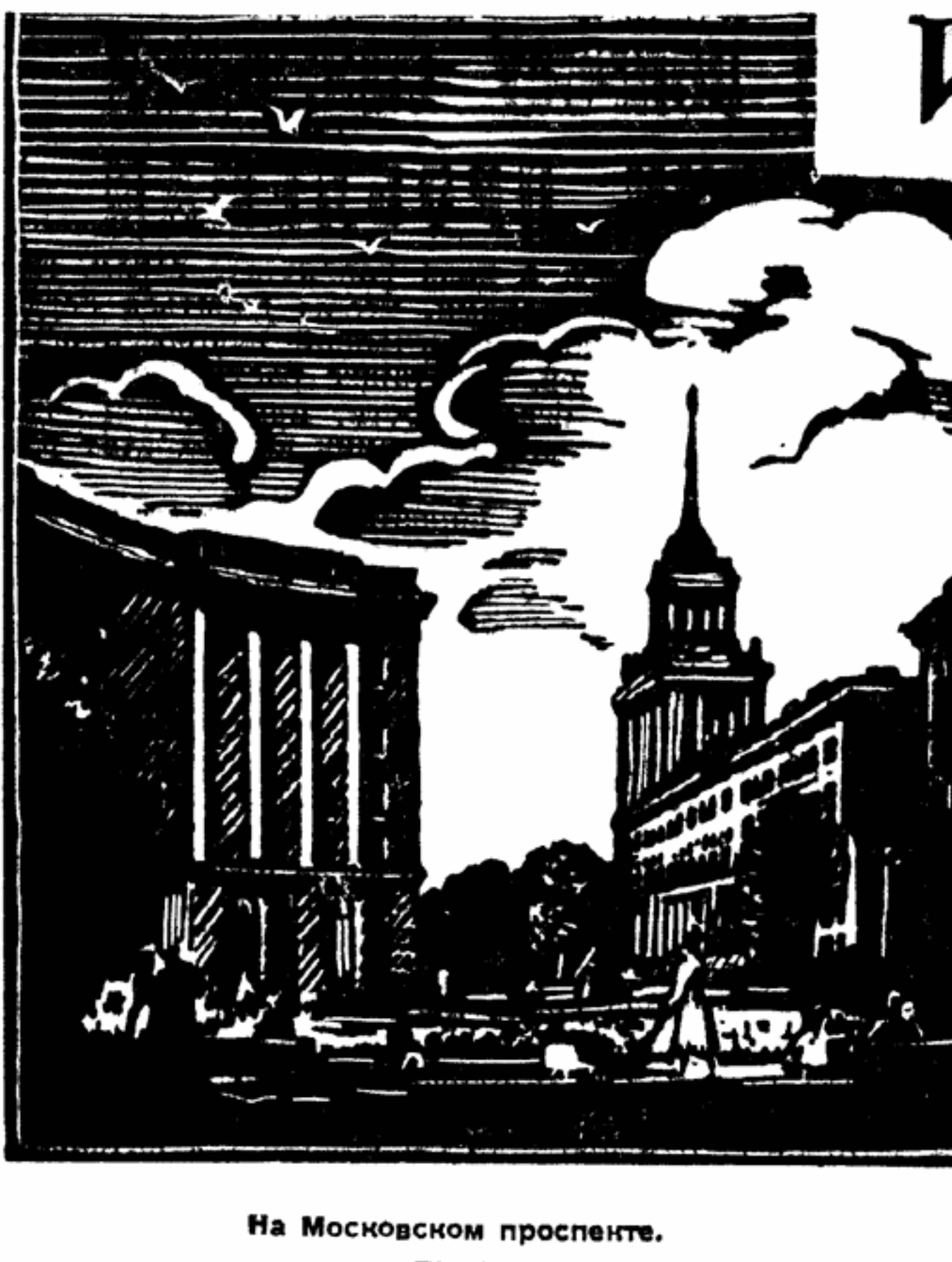
«Нелюдином Ковтуненко» — так и пристало к нему это прозвище. А он-то носил в сердце мечту: вырастить миллиарды прекрасных благоуханных роз, миллионы деревьев благородной тяншьанской ели и украсить ими все горы и поселки, до самых пустынных, до самых суровых мест.

В минуты откровенности он говорил: — Вы знаете, что такое цветы? Цветами человек рождается, с цветами женится, с цветами умирает... Красота делает человека лучше, мяте — само-

восходство над чужеземцами, пришельцами грабить и убивать. И чувство невосходства над врагом, священная ненависть, твердость характера, личная храбрость помогают им побеждать.

Стихи Кайсына Кулиева о войне — их не мало в книге — подкупают жизненной достоверностью, чувствуется, что написаны они участником сражений, а не приезжим регистратором фактов. И такая, казалась бы, уже набившая оскомину мысль, что имя любимой солдат носит в сердце, у Кулиева находит свое свежее выражение:

Ведь если пуля в сердце попадет, То попадет она и в это имя.

На Московском проспекте.

ИЗУЧАТЬ страну можно по-разному. Ее можно облететь на самолете, обойти пешком.

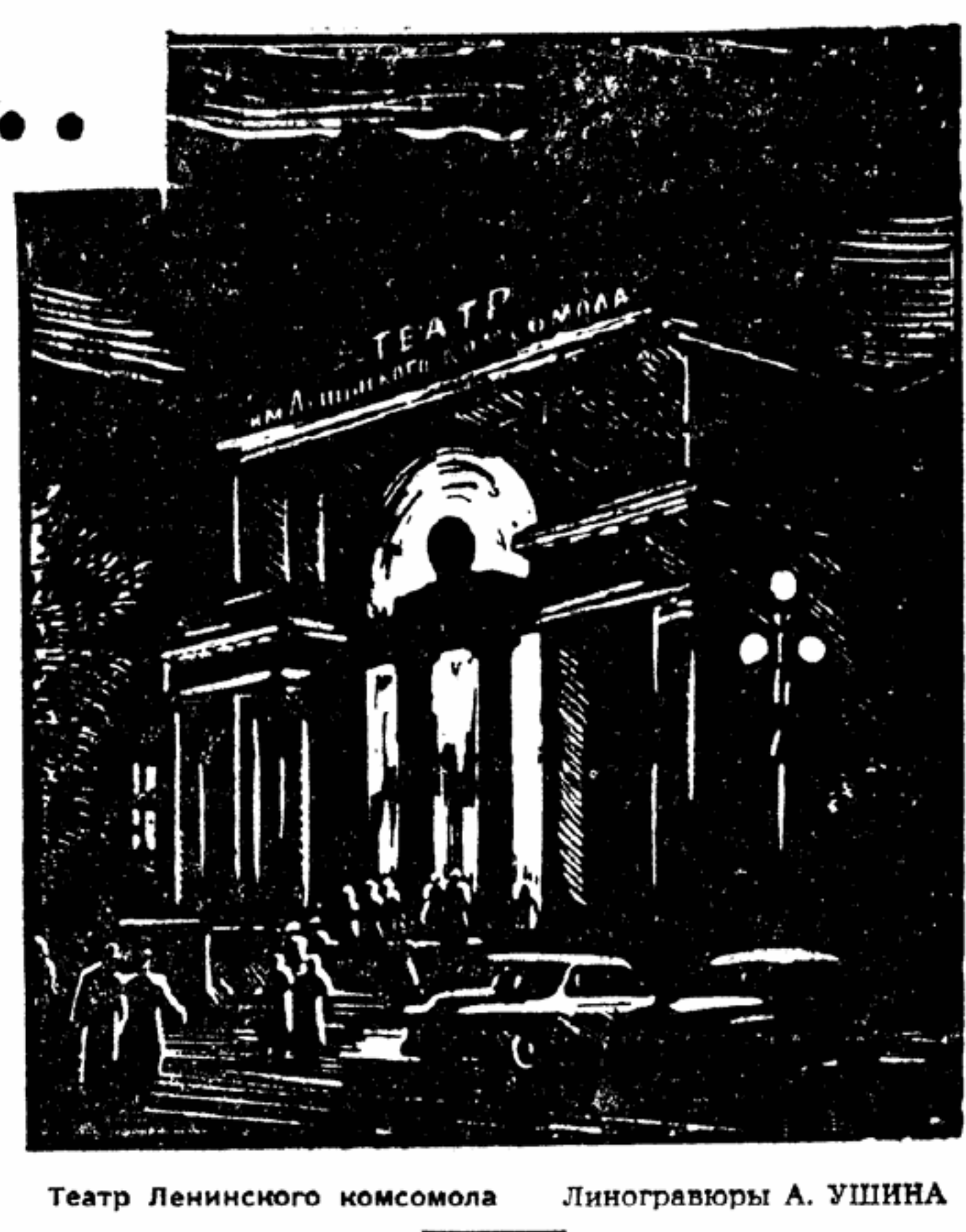
Юрий Помозов о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Ю. Помозов. «Зовут дороги Родины». Ленинград, 1957.

Эльмар ГРИН о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Юрий Помозов о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Юрий Помозов о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Театр Ленинского комсомола. Линогравюры А. УШИНА

«ДОМ НА МОЙКЕ»

За последнее время в ленинградских литературных кругах оживились разговоры о судьбах поэзии. Но оживились, к сожалению, не потому, что поэты-ленинградцы стали писать больше и лучше.

И не потому, что земля ленинградская талантами оскудела, — какое же это «оскудение», когда одна за другой выходят книжки молодых? — а потому, что только лишь потому, что в творчестве некоторых ленинградских поэтов как-то приглушеннее стала звучать сейчас высокая тема современности.

Конечно, не все поэты ленинградцы таковы. По-настоящему живут и творят поэты в Ленинграде, но в творчестве некоторых ленинградских поэтов как-то приглушеннее стала звучать сейчас высокая тема современности.

Особое следует отметить выход в Ленинграде новой книги Ильи Авраменко — романа в стихах «Дом на Мойке».

Слово «роман», впрочем, следует понимать здесь в сугубо условном его значении, хотя речь в произведении идет о судьбах людей на протяжении нескольких десятков лет — от двадцатых годов и до годов сороковых.

Герой этот участвовал в классовых схватках двадцатых годов, строил первые гидростанции и молодые социалистические города в тридцатых годах, рачительно и прочно совадала счастливый и мирный быт в канун трагических сороковых годов, на смерть стоял в обороне Ленинграда. Он видел и горе, и радости, этот герой, проживший уже сорок лет на советской земле, он знал и победы, и несчастья, он дышал чистым воздухом мира, и он прошел через полыхавшие огнем и залитые кровью поля войны. И все же, несмотря на все выпавшие на его долю трудные испытания, он вышел из них с потрясенной, но не помянутой душой, он полон деятельной творческой энергии, все так же утверждает на превосходство жизни над смертью: вспоминая прошлое, он идет вперед!

Действие «Дома на Мойке» происходит главным образом в Ленинграде. Многие из нас, читая этот роман, не смогут не вспомнить и о своей собственной молодости. Вот он, знаменитый университетский коридор, и переполненная молодежью аудитория: слышишь и оперишь, красивыми, сильными руками о кафедру, читает «разбушевавшиеся» стихи Владимир Маяковский и крушит своими гневными остротами неадекватных оппонентов. Вот они, знакомые ставшая огромного судостроительного завода, вдоль которых, окруженный толпой рабочих,

проходит друг и любимец пролетарского Ленинграда — Сергей Миронович Киров. Вот он сам, наконец, наш великий город, о котором уже столько было написано, а все кажется, что «самое главное» еще будет создано грядущими мастерами слова и кисти, резца и звука. Авраменко влюблен в Ленинград, как влюблены в него и его герои: рабфаковец Шаповал, рабочий парень Семипалатинцев, мастерица со швейной фабрики Орлова, поэт и газетчик Иртышов, от имени которого ведется повествование.

Дул ветер с моря. Дым заводских труб то черен был и густ, то бледно матов... И тут я понял, как мне горю любви! Как горю весь — в лучах своих закатов! И этот шум трамвайных поездов, последний, запоздалый, отдаленный; и вставше меж двух крутых мостов старинные ростральные колонны; и стигнувшая баржа, до зарни послухая солдатушку канату; и ровную цепочку — фонари вдоль берега от Зимнего к Сенату.

Первые строки «Дома на Мойке» написаны в 1943 году. Сохранились они в походных записных книжках поэта, который был в ту пору корреспондентом одной из дивизионных газет. Когда блокады еще не было прорвано. Картины осажденного, голодающего, жестоко страдающего, но не вставшего на колени города-героя перемежаются в романе с картинами трудовой, спокойной и миролюбивой жизни, какой она складывалась в преддверии сороковых годов. И это как бы вторая тема «Дома на Мойке».

В ряду многих других советских писателей, кто творчество борется за мир против войны, не может не быть услышан и голос Ильи Авраменко, поэта-ленинградца, скорбящего над могилками близких ему людей и дымающими руинами родного города. Но как ни трагично изображенные им картины смерти и разрушения, нет в них распадающегося отчаяния и отупляющей безысходности. Люди его мужественны и стойки:

Крестись, солдат! Тебе же в даль шагать, Сквозь смерть и смерть — на полное дыханье! А слезы — слезы могут подождать, быть каменным теперь твою призванье.

Авраменко работал над своим романом в стихах больше двенадцати лет. И труд его, несомненно, увеличился серьезным творческим успехом. Роман Авраменко кажется вначале несколько «старомодным». Но это — ложная тревога. Роман написан простыми, ясными, выразительными стихами, которые нисколько не «бледнеют» из-за того, что нет в них ритмических голуболозов и смысловых кроссвордов. Пусть это и не в традициях некоторых любителей «острых» литературных «ощущений». Стих романа возник на основе выверенных годами традиций привычной разговорной речи, которые ему понятны и не нуждаются в переводе с «поэтического» на «бытовое».

Зел. ШТИНМАН

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Когда прочтешь подряд сборники рассказов Э. Офины и В. Беляева, явственно ощущаешь то общее, что делает их близкими друг другу. Это — общность «материала» и писательского прихода. Область, их привлекающая, — жизнь в воспитательных учреждениях.

Э. Офины и В. Беляева понимают, что книга должна воздействовать не только на разум читателя, но и на его сердце, на его чувства. «Разве вы не видите, какая борьба идет за воспитание чувств?» — говорит один из героев В. Беляева. Писатель видит, какая идет борьба, и участвует в этой борьбе, — каждый по-своему.

Сборник рассказов Э. Офины называется «Романтизм». Это название хорошо передает парос книги, верно характеризует основных ее героев. Простые, обыкновенные люди — геолог, врач, шофер, учительница, переплетчик, — все они горячие патриоты своих профессий, беззаветно любят свой труд и глубоко сознают его важность.

Но трудом не исчерпывается их жизнь. Герои Э. Офины — люди, умеющие не только вдохновенно работать, но и не менее вдохновенно чувствовать — дружить, любить. Писатель показывает, какие это прекрасные, озорные чувства — дружба, любовь, как помогают они жить.

Нина Павлова, недавняя выпускница Ленинградского медицинского института, а ныне врач в небольшом степном городке, встретила молодого учено-геолога, начальника изыскательной экспедиции, направляющейся в далекую таежную глушь (рассказ «Весна»). И хотя их встреча была короткой (в этот же день Белов улетел с экспедицией) и не было сказано между ними ничего особенного, жизнь Нины озарилась новым светом. «Внешне как будто ничего не изменилось — та же белая операционная, привычные, бесшумные движения хирургической сестры; так же, склонив набок седую гриву, так же, склонив набок седую гриву, в палатах больные встречали ее, как всегда, кто улыбаясь, кто хмурясь, все было прежним, и в то же время все вокруг неуловимо преобразилось. Обыкновенный шприц, попав в полосу солнечного света, начинал так сверкать стеклом и сталью, что Нина Павловна становилась неуживою весело. Румяная конетливая Зоя, которая с утра до вечера могла говорить о своем женихе, теперь не вызвала раздражения, наоборот — Нина Павловна охотно слушала ее». Любовь наполняет жизнь Нины новым смыслом, вдохновляет ее на замечательные поступки. Узнав о том, что один из участников экспедиции ранен, Нина срочно летит к месту происшествия на самолете, прыгает (впервые в жизни!) с парашютом, совершает трудный трехдневный горный переход, сопровождая больного. Так эта простая, обыкновенная девушка, сама того не замечая, совершает подвиг.

«Весна» — по праву открывает книгу. Эмиль Офин. «Романтизм». Советский писатель. Л. 1956. 224 стр. Цена 4 руб. 65 коп. Миничковский А. Шестой вагон. Рассказы. Советский писатель. 212 стр. Цена 4 руб. 05 коп. Мочалов Л. Глядя в глаза. Стихи. Советский писатель. 162 стр. Цена 2 руб. 05 коп. Полякова Н. Журвал нал Мстою. Стихи. Советский писатель. 87 стр. Цена 1 руб. 40 коп. Рынина Е. Стихи о любви. Советский писатель. 153 стр. Цена 2 руб. 55 коп. Славков Н. Десять стреленных гильз. Рассказы. Ленинград. 40 стр. Цена 1 руб. 35 коп. Степкольников Л. Компас. Стихи. Советский писатель. 176 стр. Цена 3 руб. 05 коп. Фочиков И. Имена на либу. Книжки либу. Советский писатель. 80 стр. Цена 1 руб. 55 коп. Фридан Л. Страницы одной жизни. Ленинград. 153 стр. Цена 2 руб. 75 коп.

ВМЕСТЕ С ЭПОХОЙ

Помнится, лет тридцать назад появилась первая книга С. Розенфельда «Гибель», воспроизводящая быт парской тюрьмы, военной казармы и т. д. Это была новая тема в советской литературе. Но автору не удалось тогда полностью справиться с задачей, стоявшей перед ним. Книга страдала недостатками, о которых в свое время довелось писать мне. Почувствительней факты трагической биографии художника не смог осветить проектомом великой исторической значимости. Он не смог увидеть те социальные пласты, которые породили соотечественника автора по тюрьмам, казармам и окопам, проследить их революционный рост в направлении Октября.

С тех пор С. Розенфельд написал ряд произведений. Наиболее популярное из них — повесть о Шалашине. И вот недавно в Лениздате вышла новая его книга — «История одной любви», которой автор дал подзаголовок «Ленинградская повесть». Она является как бы продолжением «Гибели» и наглядно показывает большую творческую рост писателя.

В «Ленинградской повести» мы видим художника, озабоченного пониманием Октября и его исторических истоков, пониманием великих деяний народа на обновлении мира, на перестройку его. И хотя сюжетно книга посвящена любви повествователя, с которой он проходит через трагические события ленинградской блокады, фронты, годы восстановления, — перед нами разворачивается своеобразная повесть «дел и дней» сорока лет Октябрьской революции, написанная художником-патриотом.

Возникновению новой советской интеллигенции, замечательным ее представителям, в сущности, посвящена новая книга С. Розенфельда. В предшествующем повести прологе рассказывается о полуподпольной квартире большого патристического дома, в которой жил рассказчик. Десятилетним мальчиком в 1910 году он поселился здесь и долгое время наблюдал одну и ту же панораму: длинный коридорный зал, а за ним, в глубине мрачного двора, низенький дощатый флигель с открытым вдоль всего верхнего этажа балконом. Тут был старый извозчикий трактир, существовавший уже много десятков лет. Пьяные драки, звизги женшин, свистки дворников, короткие оклики городских, — вот картина, которую приходилось видеть почти ежедневно; принят в извозчикьем дворе находились воры, скучники краденого, проститутки.

В 1916 году повествователь идет добровольцем на фронт. Вскоре, тяжело раненный, он «путешествует» по эвакуационным и лазаретам, а в начале семнадцатого года больным возвращается домой. Он полон солдатского неприятия войны, возмущен бездарностью командования, «заражен» интересом к большевистской правде о превращении империалистической войны в гражданскую. Но вот свершается Февральская революция. Наш повествователь видит революционные демонстрации, пролетариата. Большой, на костылях, он лишен возможности в них участвовать. В качестве зрителя он запечатлевает Атмосферу Петрограда периода нарастающей пролетарской революционности. Так постепенно входит автор читателя в панораму великих событий Октября. Затем мы видим рассказчика на фронте гражданской войны. Возвратившись с фронта домой, он наблюдает перестройку старой жизни.

На месте старого извозчикьего двора возникает большой дом с благоустроенными квартирами, в который переезжают рабочие. Автор рисует утверждение новых нравов, взаимоотношений. Перед нами проходит несколько семейных хроник в их прошлом и настоящем. И через них показана жизнь Советского государства в целом — в его исторических событиях, вплоть до Великой Отечественной войны советского народа. Этого сочетания личного и общественного писатель добивается, разрушая временами жанровую замкнутость повести явной очерковым материалом. Фронтовые очерки Отечественной войны вторгаются повластно в ткань повести. Новая книга С. Розенфельда — это повесть о строительстве Ленинграда и его нового быта, о культурном росте новой, советской интеллигенции. Написанная опытным наблюдателем, писателем, влюбленным в современность и постигающим великое историческое прошлое народа, она воспринимается как патристический гимн нашим советским делам и дням.

Борис ВАЛЬБЕ

С О Т К Р Ы Т Ы М С Е Р Д Ц Е М

Эльмар ГРИН о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Эльмар ГРИН о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Эльмар ГРИН о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Эльмар ГРИН о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Эльмар ГРИН о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

Эльмар ГРИН о жизни в Ленинграде, о работе в издательстве, о встречах с читателями.

- Альтовская Н. Солнце на диване. Сборник стихов. Лениздат. 80 стр. Цена 1 руб. 80 коп. Браунин И. Голубые дистри. Роман. Советский писатель. 399 стр. Цена 8 руб. 65 коп. Вытовой С. Лесная школа. Лениздат. 247 стр. Цена 5 руб. 30 коп. Венус Г. Солнце этого лета и другие рассказы. Советский писатель. 324 стр. Цена 5 руб. 65 коп. Вичтомова Е. Янтариное море. Стихи. Лениздат. 187 стр. Цена 2 руб. 35 коп. Горелов А. Подвиг русской литературы. Советский писатель. 118 стр. Цена 1 руб. 85 коп. Достин Р. Два человека. Повесть. Советский писатель. 118 стр. Цена 1 руб. 85 коп. Ностров В. Стихотворения. Советский писатель. 80 стр. Цена 1 руб. 20 коп. Мочалов Л. Сивозияк. Рассказы. Советский писатель. 170 стр. Цена 2 руб. 25 коп.

- Дружеские шаржи на В. Сянова и А. Прокофьева, Б. Чирского и И. Сафоновых. Лениздат. 80 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

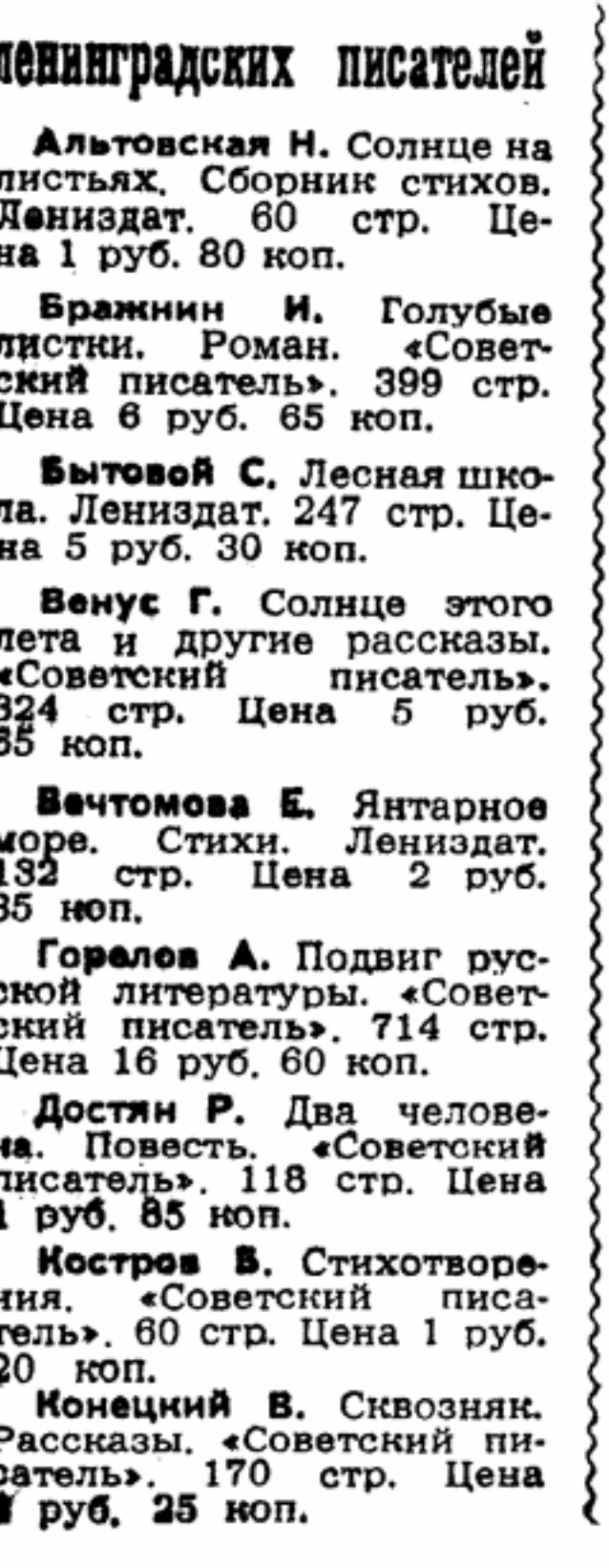
- ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.) «Книжки к 250-летию Ленинграда». Во многих книжных магазинах можно увидеть сейчас эту надпись. К юбилею города выпускается самая разнообразная литература. Эта дата посвящена только что вышедший в Лениздате двенадцатый номер «Ленинградского альманаха», в котором напечатаны роман С. Спаского «1916 год», исторический очерк О. Форш «Белые ночи» (с авторскими иллюстрациями), рассказы В. Воводина, К. Ванни, В. Левинской, Л. Мухоморова, А. Прокофьева, Н. Брауна, Б. Лихарева, М. Дудина, а также специально написанные для юбилейного выпуска альманаха стихи о Ленинграде маршалланского поэта Х. Сетова, тувинского поэта С. Сары-Оол и татарского поэта З. Нури. В альманахе публикуются впервые переведенные на русский язык путевые заметки немецкого писателя Б. Келлермана и С. Хермлина, несколько лет назад приезжавших в Ленинград. В этом же издательстве вышли юбилейные издания ленинбургских романов О. Форш «Одети камня» и «Михайловский замок» (в одном томе). «Пётр Первый», сборник стихотворений А. Володина «Лишь и лишь» — стихи И. А. Остроумовой-Лебедевой, очерков об исторических местах и архитектурных памятниках города «Достопримечательности Ленинграда», работа Л. Кайна «Петропавловская крепость». Местные издательства выпускают много историко-патристической литературы. В Лениздате готовятся к изданию коллективный й очерк истории Ленинграда, труд Л. Рейсера «Революционеры-демократы в Петербурге» и другие. Отделение издательства «Советский писатель» выпускает роман А. Лебедева «Лишь и лишь» — роман в стихах И. Авраменко «Дом на Мойке» и ряд других произведений ленинградских авторов. В отделении издательства Академии наук СССР вышли в свет работы С. Лупова «История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века», А. Копачева «Население Петербурга в первой половине XIX века». Готовится к изданию книга М. Бунина «Архитектурное оформление Стрелки Васильевского острова». Печатаются второй том «Очерков истории Ленинграда» (он охватывает события 1861—1894 годов). Издательство «Искусство» выпустило второе издание альбома, посвященного ленинским и историко-революционным местам, музеям, театрам, улицам и площадям города, его паркам и пригородам: Петродворцу, Пушкину, Павловску, Гатчину и другим.

- К ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ДАТЕ. Ленинградский писатель. 224 стр. Цена 4 руб. 65 коп.

- ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Ленинградский писатель. 224 стр. Цена 4 руб. 65 коп.

- ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Ленинградский писатель. 224 стр. Цена 4 руб. 65 коп.

- ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Ленинградский писатель. 224 стр. Цена 4 руб. 65 коп.

Стоят два льва сторожевые С поднятой ручкой, как живые.

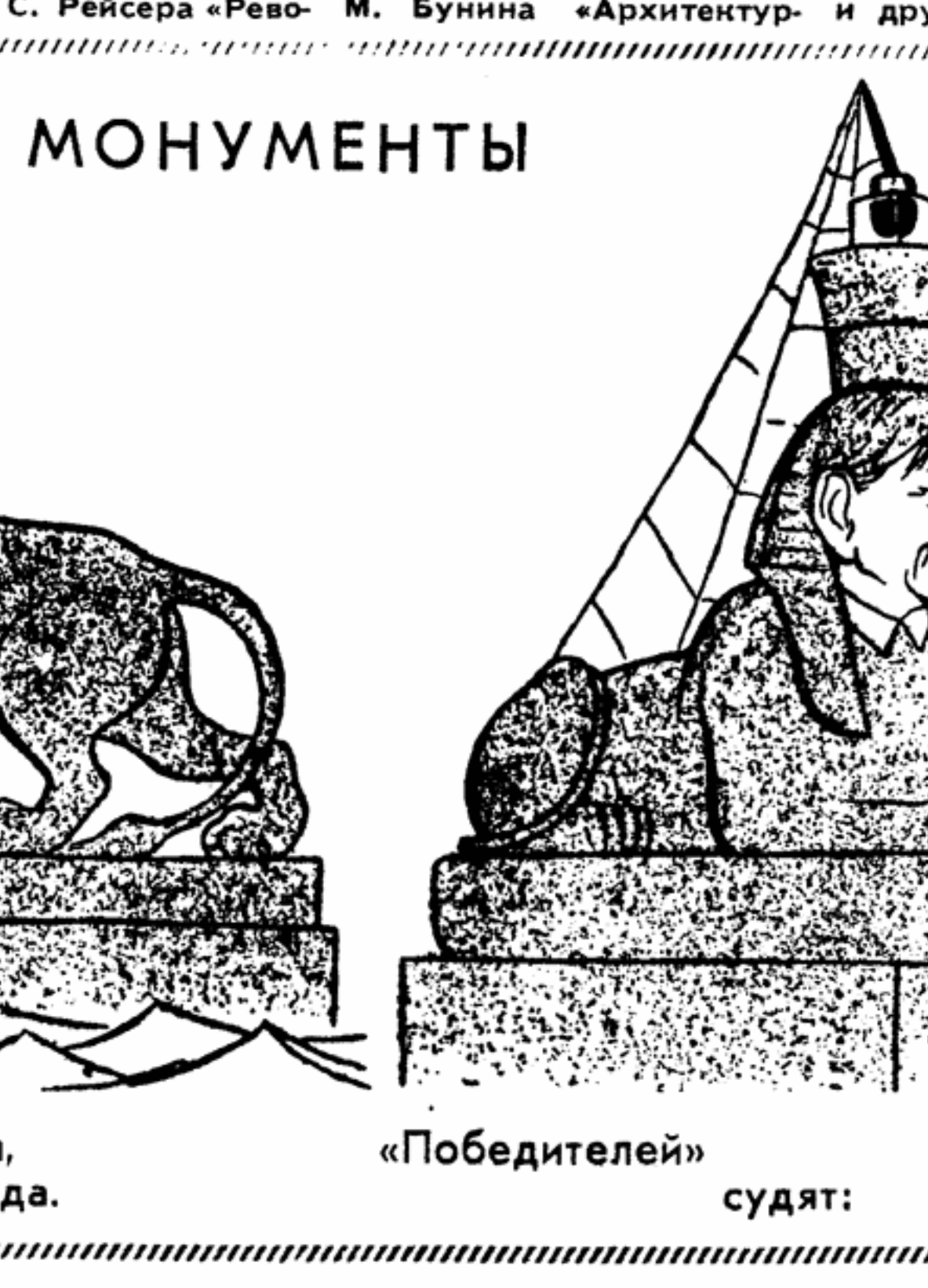
Макнут порою не туда, И... с перьев капает вода.

«Победителей» судят:

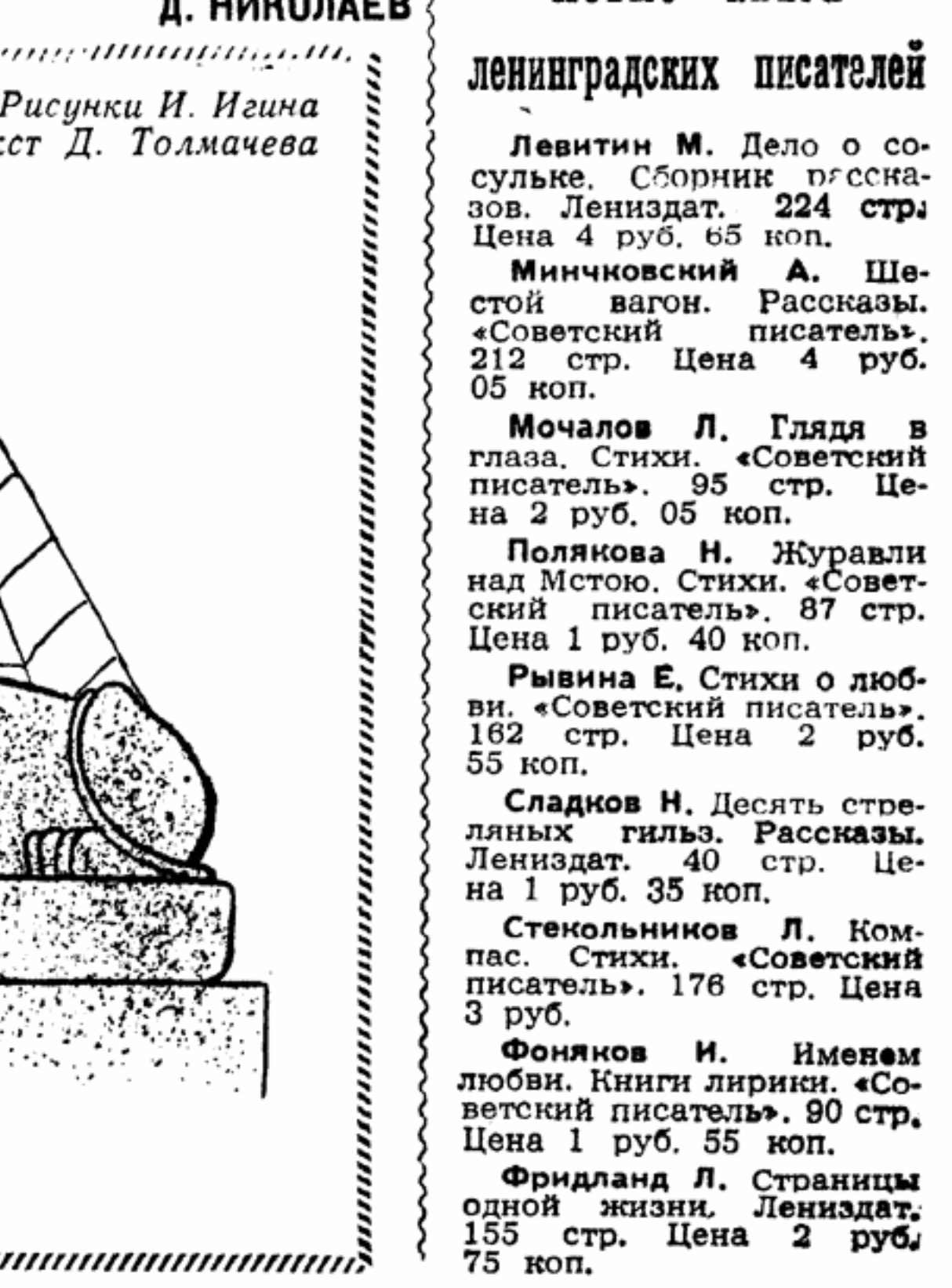
Помолчали — и будет!

Рисунки И. Ишма. Текст Д. Толмачева

Рисунки И. Ишма. Текст Д. Толмачева

Рисунки И. Ишма. Текст Д. Толмачева

